

Перевод с английского языка: Елена Павлова.

ВВЕДЕНИЕ

Выражением богатства системного подхода (theory building) Фрейда является то, что все заседание Конгресса может быть посвящено одной концепции в рамках этой теории – идентификации.

Как нам стало известно из ранее опубликованных и очень полезных работ Этчгоена (1985), Канцера (1985) и Видлохера (1985), а также и из столь значимых учений, как труды Мейснера (1970), (1971), (1972) и Шефера (1968), существует целый кластер значений, связанных с понятием «идентификация». Внесение ясности в эти различные значения будет только преимуществом для нас, и это, несомненно, является преобладающей целью данного Конгресса. Наилучшим образом этого можно достигнуть, прибегнув к изучению основных динамических процессов идентификации, и для этих целей рассмотрение перверсий может быть важным вкладом, поскольку перверсии могут рассматриваться как грубые нарушения идентификации.

ПЕРВЕРСИИ И ЯДЕРНЫЙ КОМПЛЕКС (CORE COMPLEX)

Наш клинический опыт и последующее понимание перверсий существенно продвинулось с тех пор, как данная концепция была предложена Фрейдом в знаменитом высказывании о том, что неврозы - негатив перверсий (Фрейд, 1905). Теперь мы способны признать перверсии особой нозологической группой, очерченной, скорее, общей психодинамической структурой, а не просто девиантными сексуальными манифестациями. В центре этой психодинамической структуры находится комплекс взаимосвязанных элементов, который я называю «ядерным комплексом», и, поскольку он является основой всего моего обсуждения, я начну с его краткого представления.

Первым составным элементом этого комплекса, который мне хотелось бы рассмотреть, является агрессия. Как я уже где-то упоминал (Глассер, 1979), я рассматриваю агрессию как неотъемлемую часть ответа эго на любую угрозу в отношении физиологического или психологического гомеостаза, и цель агрессии – устранить, уничтожить, в сущности, отрицать (negate) угрозу. Таким образом, агрессия – это всегда самосохранение. Примечательно, что, как отмечал Фрейд (Фрейд, 1926), условия, вызывающие тревогу, точно так же вызывают и агрессию и, таким образом, можно сделать вывод о существовании тесной связи между агрессией и тревогой.

Важно ограничивать агрессию от *садизма*. Самый простой и самый достоверный способ, при помощи которого мы можем это сделать – рассмотреть отношение к объекту. Агрессия обладает качеством «целеустремленности». Она, подобно лазерному лучу, фокусируется исключительно на стремлении отрицать (negate) объект: судьба объекта в любом другом отношении, или эмоциональная реакция объекта, или смысл поведения объекта – все эти соображения не имеют значения. При садизме, напротив, воздействие на объект, эмоциональная реакция объекта являются ключевыми моментами – существует конкретная цель причинить объекту страдания: физические или ментальные, грубо или тонко. Садизм относится к причинению боли, агрессия относится к выживанию.

Другие важные компоненты явления, которое я называю ядерным комплексом, и отношение к ним садизма и агрессии могут быть оценены при рассмотрении либидинальных тенденций, связанных с тревогой и депрессией, характеризующими отношения перверта.

Так же, как и все остальные люди, перверт испытывает глубинную жажду полного слияния с объектом, и получения, таким образом, удовлетворения всех своих потребностей, безопасности и контейнирования агрессии. Однако для перверта объект всегда является поглощающим, обволакивающим или навязчивым - точное представление варьируется от индивидуума к индивидууму, но суть состоит в убежденности, что объект будет обладать им полностью вплоть до момента *уничтожения* его отдельной идентичности и существования. Эту концепцию можно проследить с самых ранних отношений перверта со своей матерью, и таким образом, возникает вопрос о том, есть ли какие-либо особенности в материнстве, которые являются причиной, или, по крайней мере, играет предрасполагающую роль в развитии перверсий. Позже я намерен вкратце рассмотреть роль матери перверта, но сейчас мне хотелось бы сделать акцент на том, что перверт относится к слиянию с объектом как исходу, который безвозвратен: близость несет в себе неизбежность уничтожения.

Одной из реакций на эту угрозу уничтожения является реакция, которую я уже упоминал в отношении любой угрозы, а именно – агрессия самосохранения: объект (первоначально, мать) угрожает уничтожением, и, следовательно, должен полностью отрицаться. Но, в конце концов, объект (один) единственный может удовлетворить все его глубокие эмоциональные потребности, и индивид, таким образом, сталкивается с ситуацией непримиримого конфликта. Перверт разрешает эту ситуацию применяя *сексуализацию*, которая преобразует агрессию в садизм: стремление разрушить преобразуется в желание причинить боль и контролировать. Таким образом, объект сохраняется, и обеспечивается жизнеспособность отношений, пусть даже и в садо-мазохистическом выражении.

Второй фундаментальной реакцией на угрозу аннигиляции является избегание (*withdrawal*) – по своей сути, нарциссическое избегание. Однако это приводит к ситуации полной эмоциональной изоляции, сопровождающейся чувствами полной депривации и оставленности, и, как следствие, низкой самооценке. Более того, единственным фокусом для агрессии, первоначально направленной на уничтожение объекта, является Я. Интенсивная тревога вследствие сепарации или оставления и страдание от депривации вызывает страстное желание полного и неразрывного единения с объектом, и, таким образом, мы можем наблюдать, что данный аспект ядерного комплекса обладает свойством порочного круга. Эта внутренняя ситуация *также* взаимодействует с применением сексуализации: агрессия, направленная на себя, преобразуется в *мазохизм* и объект восстанавливается и вовлекается в то, что мы можем назвать «мазохистским приглашением» личности.

Клинические и социальные наблюдения показывают, что и садизм, и мазохизм характеризуются вовлечением объекта в интенсивные отношения, но на тех бескомпромиссных условиях, что в них никогда не будет близости и единства. Посредством садомазохизма индивид устанавливает жесткий контроль за объектом, но этот контроль влечет удерживание объекта на расстоянии вытянутой руки.

Таким образом, ядерный комплекс представляет собой базовую центральную связную структуру, которая устанавливается в раннем детстве и складывается из взаимосвязанных элементов: стремления к удовлетворению потребности в близости и безопасности, тревоги аннигиляции и покинутости, сопровождающейся депрессией, и агрессией и садомазохизмом.

Проиллюстрировать эти элементы можно при помощи краткой записи сессии гомосексуального пациента:

Он жаловался на то, насколько его мать была неприветливой во время своего недавнего визита к нему в Лондон. Я высказал мнение, что, хотя он и приводил мне множество примеров такого ее поведения, у меня есть некоторые сомнения относительно него самого, так как на протяжении многих сессий мы наблюдали, что он не мог вынести сближения с матерью и был вынужден ее отталкивать. Он отреагировал заметным

возбуждением, и сказал, что он находит свою мать удушающей: она как паук на его лице (когда пациент говорил это, он положил руку с растопыренными пальцами на рот, нос и глаза и стиснул себе лицо). Я подхватил эту проекцию «паучихи» в отношении его матери/меня, и напомнил ему о его чувстве гнева из-за моего отсутствия или опозданий, и о его приступах компульсивного, жадного поедания шоколада, а также приступах компульсивного посещения общественных туалетов, чтобы осуществить фелляцию любому найденному там мужчине. Очевидно, мои комментарии были слишком интенсивными или чересчур эффективными, поскольку пациент продолжил, сказав, что в то время, когда я говорил, он чувствовал себя ужасно и почувствовал очень сильное желание повернуться и соблазнить меня, чтобы я не продолжал говорить то, что говорю.

Динамика ядерного комплекса проиллюстрирована хорошо: когда я вызываю отрицание его желания по отношению к матери/ко мне, он чувствует себя так, как будто мои комментарии вторглись и захватили его, и по его ощущению, они направлены на то, чтобы заставить его быть не самим собой, а тем, кем я хочу, чтобы он был; и он взаимодействует с противоречивыми желаниями отрицать меня и удержать, пытаюсь сексуализировать наши отношения и превратить их в садомазохистические путем фелляции, чтобы усилить контроль надо мной, а также над тем, что он принимает или не принимает внутрь себя.

ПРИРОДА ОТНОШЕНИЯ ПЕРВЕРТА К СВОЕМУ СУПЕРЭГО

Очерченные мной особенности ядерного комплекса в отношении к матери в раннем детстве представляются, по моему убеждению, фазой нормального развития. Но в случае с первертом, ввиду ряда факторов, таких, как экстенсивное использование сексуализации, а также отсутствие объектов, которые могут выступать в качестве адекватной альтернативы матери (см. ниже) – на данном этапе происходит фиксация. Дальнейшие фазы развития могут иметь влияние на ее конкретное проявление (я имею в виду, например, тяжелый отпечаток анальности, как убедительно иллюстрирует Шассге-Смиржель (1978)), но, в сущности, все психическое функционирование перверта подчинено факторам ядерного комплекса. Это, конечно, определяет отношения перверта с внутренними объектами, и, таким образом, который, как скоро станет ясно, имеет непосредственное отношение к проблеме идентификации.

Пожалуй, наиболее легко и отчетливо это видно в отношении эксгибициониста к своему суперэго. Психоаналитическое исследование показывает нам, что эксгибиционист постоянно находится в бесконечной садомазохистской борьбе со своим суперэго (Глассер, 1978). Все потому, что он считает, что соответствие требованиям суперэго и нахождение в гармонии с ним приведет к полной аннигиляции Я: выступление против запрещающих и предписывающих требований Суперэго расценивается как акт выживания. Мазохистические вина, стыд и чувство неполноценности, под которыми он корчится, и бесспорное покорное соответствие встречают противодействие скрытого сопротивления, и иллюзорной победы над суперэго, открытой манифестацией которой является сам акт непристойного обнажения себя.

Эти особенности иллюстрирует следующий клинический материал:

Пациент начал сессию, как часто бывало и раньше, с неловкого молчания, которое он, в конце концов, прервал, сказав: «Я не знаю, что сказать ...» со слабой улыбкой, включающей одновременно как стыд за свою несостоятельность, так и просьбу о поддержке. После последовавшего за этим периода молчания он сказал: - «По дороге сюда я слышал по радио в машине о новой форме психиатрического лечения, в основе которого – техники промывания мозгов. Я думаю, что, на самом деле, все это большая афера. Я считаю, что это зависит от готовности субъекта быть обманутым – субъект должен быть впечатлительным». После короткой паузы он сказал, что вспомнил, как думал о том, что мои слова на предыдущих сессиях о том, чтобы он говорил все, что придет ему в голову, помогли ему избежать разговора о вещах, о которых он *должен* говорить, как если бы он не сделал домашнее задание и школьный учитель предлагает ему говорить о погоде.

На нескольких предыдущих сессиях я заострял его внимание на том, как его суперэго жестко критично и требовательно, и отмечал, что он и меня ощущает точно таким же, так что, сейчас я мог прокомментировать то выраженное им ощущение, что я его учитель-суперэго, требующий, чтобы он говорил, и что лечение – это ситуация, в которой я стремлюсь промыть его мозги и отдельную идентичность, и превратить его в того, кем я хотел бы, чтобы он был. Я отметил то, как он отбивался от этого, избегая быть восприимчивым – а значит, открытым к тому, чтобы быть обманутым – и, становясь очевидно неспособным делать то, что я якобы требовал, то есть, не зная, что сказать.

После паузы пациент сказал, что по автомобильному радио он слушал новости об американских заложниках в Иране. Он думал о том, сколько они, должно быть, тратят энергии на борьбу со страхом смерти. Им необходимо *так много* энергии, чтобы справиться с ситуацией, если только у них не отсутствует страх смерти – как, например, у него. Размышляя в этом направлении, он остановился на нескольких светофорах за станцией метро, где увидел симпатичную девушку. Это был солнечный день, он вспомнил, что именно на этой линии метро он демонстрировал себя, и почувствовал импульс сделать это перед хорошенькой девушкой.

Я отметил то, как он связал борьбу со школьным учителем с борьбой американских заложников за существование, и как ход его мыслей показывает наличие убеждения, что если он сможет предпринять верное действие – он выживет, и как в этот момент ему пришла в голову тема демонстрации себя: демонстрация себя была эмпатическим способом сохранить идентичность, выжить. Вот почему жизненно важной была реакция хорошенькой девушки – она подтверждала его отдельное яркое существование.

Он ответил, сказав, что осознал – внутри него всегда существовала эта борьба за идентичность. Он говорил об эгоизме людей в индустрии развлечений: это нужно им, чтобы чувствовать себя достаточно уверенно для выступлений перед аудиторией (обратите внимание на полное неприятие моей интерпретации). Но все это не для него: его интересует религия, и всегда интересовала. Когда-то давно ему снился сон, в котором присутствовал теплый, мягкий свет, предлагающий ему войти в него. Он испытывал огромное желание сделать это, но устоял, поскольку знал, что войдя в этот свет, он потеряет свою отдельную идентичность.

В этом описании отношения эксгибициониста, или, если обозначить в общем, перверта, к своему суперэго, я хочу подчеркнуть то, что суперэго, пока оно является явно внутренним объектом, остается достаточно отдельным от Я.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ В ПЕРВЕРСИЯХ

Будет полезным на этом этапе уточнить то, как я использую различные термины, применяемые при обсуждении разных аспектов чрезвычайно обширного процесса интернализации. То, что интернализация свойственна любому объекту психической жизни, может быть оценено с обретением понимания, что *память* является ее самой первичной формой, а в частности, установленные воспоминания о телесных ощущениях. Это косвенно признается Фрейдом в его обсуждении психического аппарата в главе VII «Толкования сновидений» (1900) и имеет прямое отношение к нашей дискуссии. Обратите внимание, что в одном моменте (стр. 539) он заявляет: «То, что мы называем нашим характером, основывается на воспоминаниях о впечатлениях...».

Для целей настоящей дискуссии мне необходимо ограничиться довольно упрощенной моделью интернализации. Таким образом, я бы описал это как континуум, простирающийся от простого осознаваемого копирования объекта до инкорпорации репрезентации объекта или аспектов репрезентации объекта в Я-репрезентации так глубоко, что его отдельное происхождение больше внутренне не распознается (Мейснер, 1970); (Шефер, 1968). Я думаю, что значение концептуализации процесса интернализации в этом случае заключается в акценте на том, что мы наблюдаем не дискретные, хорошо разграниченные субъекты, а скорее,

градации и смеси. Наши понятия – это концептуальные тезисы, дающие нам возможность рассмотреть и обсудить процессы интернализации и их последствия.

Я буду использовать термин *идентификация* для обозначения наиболее интернализованного края этого континуума. На скорую руку пересказывая определение Шефера (1968), идентификация – это процесс, в ходе которого субъект преобразует свою селф-репрезентацию с помощью инкорпорации репрезентации объекта или ее части таким образом, чтобы стать таким же, как одна или несколько репрезентаций объекта. Посредством идентификации субъект представляет характеристики объекта как свои собственные. Используя яркую метафору Сандлера и Розенблата, 1962 г., идентификацию можно рассматривать как изменение «формы» собственной селф-репрезентации посредством инкорпорации репрезентации объекта или ее части. Существует значимое отличие между вовлекаемыми процессами, когда мы говорим об «идентифицировании с» как отличной от «установления идентификации с». «Идентифицирование с» носит временный, обратимый характер с постановкой себя на место объекта, или наоборот. Оно означает признание чего-то общего. Также оно включает в себя переходное значение идентификации объекта с другим объектом (как обсуждалось Видлохером, 1985). *Общность* является существенным условием. «Установить идентификацию с» означает, как уже отмечалось выше, постоянно инкорпорировать в Я аспект внешнего мира. *Различие* – что-то в окружающем мире, чего субъект *не* имеет – является в этом случае обязательным условием.

Определяя понятия таким образом, мы видим, что процесс идентификации не доступен перверту, поскольку, руководимый тревогами ядерного комплекса, он будет проживать инкорпорацию объекта не как нечто обогащающее или усиливающее, но как нечто внедряющееся и собственническое, а короче – аннигилирующее. Поэтому, мы можем смотреть на перверсии как на расстройства идентификации, и, обобщая, мы можем утверждать, что в таких формах психопатологии, когда аннигиляционные тревоги ядерного комплекса сохраняются, идентификация не может быть возможной: то, что я описал относительно отношения эксгибициониста к своему суперэго в равной степени может рассматриваться, например, в отношении многих форм преступности, в частности, так называемый психопатии.

«Интроекции» (которые могут привести к идентификации) – это процесс интернализации, посредством которого объект принимается во внутренний мир субъекта и устанавливается в нем *без* инкорпорации в Я. Мне хотелось бы предотвратить дискуссию о различиях между понятиями «интроект», «внутренний объект» и «репрезентация объекта», столь же важных, как эти различия в других контекстах (Мейснер, 1971); (Шефер, 1968); (Уиздом, 1961), (1962); (Этчегоен, 1985 и др.). Для моих целей достаточным является использование данных терминов как синонимов. Возвращаясь к метафоре Сандлера, присутствие интроекта во внутреннем мире не изменяет форму Я-репрезентации. Таким образом, суперэго перверта совершенно недвусмысленно кажется интроектом по обозначенным мощным психодинамическим причинам.

Именно в отношении этой психодинамической точки зрения я не соглашусь с теми аналитиками, которые ограничивают интроекцию структурой суперэго; и я также не согласен с тем мнением, что элементы суперэго всегда остаются интроектами и никогда не становятся инкорпорированными в Я-репрезентацию, то есть, объектами идентификации.

Когда человек бессознательно моделирует свое поведение или отношение к объекту, будь то внешний объект или интроект без каких-либо изменений в структуре личности, он осуществляет акт псевдоидентификации, или, как я это называю, *симуляции*. Несмотря на сравнительную поверхностность в психодинамическом континууме интернализации, важно не упускать из виду то, насколько этот процесс всепроникающ, и то, каким он может быть высоко развитым и интегрированным. Клинически может быть очень сложно различить, каким образом построена структура личности: на основе идентификаций или на основе симуляций. С уверенностью это возможно сделать только тогда, когда анализ продолжается в течение некоторого времени, хотя внимательное отношение к контрпереносным чувствам часто дает ранний намек на истинное положение дел.

То, насколько повсеместно перверт использует симуляцию, в социуме легче всего наблюдать, пожалуй, в достаточно искусственной, театральной манере, так называемого, «позерского» поведения и образа многих гомосексуалистов, которую они включают или проигрывают без каких бы то ни было осознаваемых ими инструкций. В более ранней своей работе (Глассер, 1977) я говорил об этом, как об «идентифицирующей установке», и, хотя сейчас я нахожу этот термин ошибочным, он ценен привлечением внимания как к изменчивости идентичности гомосексуалистов, так и к положительным аспектам симуляции. В этой статье я описывал гомосексуального учителя, который казался мне вполне маскулинным. Он тщательно скрывал свою гомосексуальность, но со своими гомосексуальными друзьями он, без особых усилий, вел себя манерно и по-женски. Это умение *проживать* роль, а не просто играть ее, напоминает о некоторых типах психопатов и «как будто» личностях Дейч (1942 г.), «самозванцах» Гринакра (1958) и личностей с «ложным Я» Винникотта (1960): все эти нарушения, несмотря на их различия, разделяют с перверсиями широко распространенного применения симуляций в результате неразрешенности основных конфликтов ядерного комплекса. Как следствие, все это расстройства личности.

ЗНАЧЕНИЕ ТЕЛЕСНЫХ ОЩУЩЕНИЙ

Эти нарушения берут свое начало в очень раннем периоде развития, в то время, когда отношения между матерью и ребенком являются первичной идентификацией. Самые ранние взаимодействия или коммуникации между матерью и ребенком, безусловно, играют роль в выражении телесных ощущений не только от физической стимуляции, но и, что более важно, от *аффектов* – своего рода социального симбиоза как называет его Малер (1968). Исходя из этого, ощущение ребенком себя растет (хочу заметить, поскольку это имеет отношение к последующему обсуждению, что, на мой взгляд, это «to и fro» коммуникации аффектов между матерью и ребенком, которые развивают способность к проективной идентификации).

Тем не менее, вклад матери может, с точки зрения ребенка, быть чрезмерным или давящим. Это происходит, когда наличествует сочетание депривации (потребности ребенка не оценены и не встречены адекватно) и вторжения (мать навязывает младенцу тот опыт, в который верит или который предпочитает). Ярким примером может служить стереотип о ребенке, воспитанном институционально, но такое, несомненно, намного чаще происходит с детьми, матери которых обращаются с ними бесчувственно, как правило, потому, что относятся к своим детям нарциссически. В самых простых понятиях телесного опыта, существование Я и его нужд не признается и мать (справедливо) воспринимается как аннигилирующая. И здесь появляются зачатки возможной фиксации в фазе ядерного комплекса.

В этом контексте мы не должны упускать, что при применении стимуляции включается нечто больше, чем оборонительная защита Я: появилась также отчаянная попытка достичь удовлетворительных объектных отношений, используя единственный возможный путь, то есть, мобилизуя телесные ощущения, присутствовавшие при первичной идентификации.

Например, в своем переодевании трансвестит стремится к большему, нежели просто попасть внутрь женской (материнской) одежды, и даже большему, чем оказаться внутри ее тела: он стремится к тому, чтобы *быть* ею, подкрепляя основанную на симуляции иллюзию о том, что он физически чувствует то, что чувствует она, так, будто рука, чувствующая рукав блузки, или плечи, которые чувствуют лямки бюстгалтера больше принадлежат ей, а не ему. Я описывал ранее (Глассер, 1979), как для пациента-трансвестита в переодевании огромной важностью обладало то, чтобы ничего в его внешности и телесных ощущениях, не могло рассеять его ощущение себя как женщины. Например, он не мог носить свои обычные наручные часы, даже если они были скрыты рукавом блузки. Это «*бытие*» женщиной (матерью), всегда, однако, заканчивалось раздеванием – действием, которое успокаивающим образом выражало его способность контролировать предотвращение аннигилирующего слияния с матерью.

Выдержка из письменного отчета о его, как он его назвал, «акте переодевания» передает нечто из его опыта. Вводные комментарии таковы:

«Действительно хорошо вытерся (после ванны) полотенцем, затем надеваю парик, а потом надеваю панталоны:

- Ах – так-то лучше – теперь я могу подумать о деле – гладкая кожа – грудь – пизда – пизда – панталоны – тесные – дрожь в ногах – бедра – промежность – яйца в сторону (хер красивый - яйца мешковатые, некрасивые – реальное ощущение у основания таза—приятное чувство, когда яйца убраны в сторону).

Надевая бюстгальтер:

- Бюстгальтер – удобный на моей груди – прохладный, но приятный – бретелька успокаивает ...

Часть материала опущена.

- Вкладываем груди, должны быть круглыми и гладкими – частью целого – не что-то отдельное – тогда это действительно будет успокаивающим ...

Ощущает парик, лифчик, грудь, панталоны.

- Теперь я девушка (чувство)».

Я привел краткую выдержку, чтобы показать ту высокую степень телесных ощущений, необходимую для достижения желаемого эффекта: даже из этой сжатой иллюстрации мы можем наблюдать, как телесное ощущение постепенно достигает кульминации в «иллюзии»: - «Теперь я – девушка». То, что мы наблюдаем в приведенных выше записях является попыткой пациента создать новое Я, став девушкой. О том, что эти вопросы более сложны, свидетельствует тот факт, что в дальнейшем, когда приближался оргазм, он отмечает в своих записях: «Я собираюсь прийти, *доказать*, что я – это я и мужчина, а тебе (мама) это не нравится, потому что ты хотела теплую, приятную девочку...». Но в попытке установления как мужественности, так и женственности путь лежит через телесные ощущения. Как если бы он знал, что если и есть какая-то надежда достигнуть постоянной, стабильной идентификации, этот путь – тот маршрут, которому он должен следовать.

В этой связи мы могли бы спросить, почему, если он пытается отграничить отдельное «Я», он решает сделать это с помощью симуляции и иллюзорного «проживания» телесных ощущений своей *матери*: это, кажется, скорее, отказом от какого-либо обособленного «Я», чем его развитием. Ответ на это вопрос сложен. Отчасти он находится в знании перверта о том, что единственный способ достигнуть материнской любви – это стать ее расширением и он, характерным образом, использует обман, который является частью симуляции. *Притворяясь* тем, кем хотела бы его видеть мать, он скрывает свою истинную сущность и, как мы видим в примере выше, в конечном итоге – часто тайно – утверждает в этом. Но другая часть объяснения кроется в природе материнского интроекта. Во всех упомянутых выше расстройствах личности не только младенец использует интроекцию, устанавливающую мать как внутренний объект; мать дополняет этот процесс, утверждая это и в действительности, насильственно вторгаясь нарциссически-детерминированным ощущением того, чем должен быть ее ребенок. Таким образом, ребенок в значительной степени, находится в ее власти. Это, скорее, похоже на то, что мы наблюдаем в популярных научно-фантастических фильмах, где существа из космоса завладевают мозгом и телами различных людей и живут в них; или на Фабиана Эспекела в романе Джулиана Грина «Если бы я был тобой», описанного Мелани Кляйн в работе «Об идентификации» (1955); и когда я использую термин «проективная идентификация», я имею ввиду именно этот процесс.

Основной защитой перверта от этого является первертный акт: через откровенную сексуальность, охватывающую и его пенис, он активно заявляет о своей мужской обособленности и независимости (хорошая иллюстрация этого содержится в приведенном клиническом материале как эксгибициониста, так и трансвестита). Более того, это подводит нас к размышлению о различиях между первертами-мужчинами и первертами-женщинами и отношении между тревогами ядерного комплекса и кастрационными тревогами,

но я не могу рассмотреть эти вопросы в данной статье. Эти наблюдения помогают нам понять, почему половой акт перверта – это всегда и самоутверждение, и эксплуатация, и обесценивание объекта, и почему он не может быть актом истинной близости и взаимности. Такое использование *сексуальности* отличает перверсии от других упомянутых мной нарушений личности, где вместо первертной эксплуатации сексуальной потенции мы сталкиваемся с *импотенцией*. То, что перверт, тем не менее, терпит неудачу либо в ослаблении своих тревог, либо в достижении удовлетворительных объектных отношений, проявляется, например, в компульсивном гомосексуальном промискуитете, часто в то время, когда установились долгосрочные, преимущественно не сексуальные, не связанные по сути обязательства отношения со стабильным партнером.

Эти причинно-следственные связи могут рассматриваться как в огромной степени включающие проективную идентификацию. Перверт не замедлит последовать примеру своей матери, используя этот механизм не только в наиболее близких отношениях, но и при ежедневном взаимодействии с другими людьми. Например, в лечении эксгибиционистов очень сложно избежать сильного давления, чтобы не выступать в роли сурового материнского суперэго.

Я бы хотел вернуться к другому способу использования первертом телесных восприятий в попытке установить здоровую идентификацию. Его можно наблюдать при некоторых типах гомосексуальности. Один из способов разрешить конфликты ядерного комплекса – и при нормальном развитии они действительно разрешаются – это прочное присутствие третьего (как правило, отца), способного выступать в качестве альтернативного матери объекта (Глассер, 1985), (Гринсон, 1968), (Лиментани, 1979). В случае с гомосексуалистом я держу в уме, что он стремится достичь этого посредством полового акта за счет интернализации пениса своего партнера. Такой мой пациент рассказывал о том, что когда в анальном сексе он занимал пассивную позицию, для него было особенно важным чувствовать прочное присутствие пениса своего партнера в прямой кишке и то ощущение, когда он сжимает анальным сфинктером пенис своего партнера. В то время это привело нас к осознанию его бессознательной фантазии о том, что он отщипывает пенис и удерживает его. Этим конкретным телесным способом, столь характерным для перверта, он пытался установить отца как внутренний объект, с которым предстоит идентифицироваться, как внутреннего союзника и бастион против своей могущественной матери. Следует отметить, что, хотя его отец был значительной личностью, профессия вынуждала его часто и в течение длительного времени бывать вдали от дома, а мать была властной женщиной (как пример, она была центральной фигурой в финансовых делах семьи и осуществляла контроль за ними), а также часто одевала пациента в девичью одежду, когда тот был маленьким мальчиком.

Конечно, этот акт анального сношения имел и ряд других смыслов, актуальных при обсуждении идентификации. Одним из них является воспроизведение первичной сцены (Макдугалл, 1978), и симуляция им каждого партнера первичной пары, а также пары самой по себе. Например, он говорил мне, что для него особенно важны звуки сексуальной активности, издаваемые им самим и его партнером, и в своем анализе он связал эти звуки с теми, что издавали его родители, занимаясь сексом в соседней комнате.

Эти попытки идентификации, использование симуляции, и, в общем, расстройства интернализации имеют особое значение для размышлений о подходе аналитика к лечению перверта, а также других подобных расстройств. Одной из причин того, что перверт не может развиваться за пределами этапа ядерного комплекса является, как я уже отметил, отсутствие того, кого мы могли бы назвать «достаточно хорошим отцом», с которым можно было бы установить идентификацию, альтернативную материнской. Я думаю, что именно это понимание привело некоторых аналитиков к предложению пациенту себя в качестве объекта для идентификации. Это обсуждение должно прояснить, почему такое «предложение» будет проживаться первертным пациентом как очередная попытка вторжения или поглощения объектом, и почему он прибегнет к избеганию или, возможно, и того хуже - к садо-мазохистическому защитному вовлечению, включая обманчивую симуляцию. Это может ввести в заблуждение даже аналитика, полагающего, что в

лечении достигнут обнадеживающий прогресс. По моему опыту, опасность, что такое произойдет, особенно касается гомосексуальных пациентов, которых такая ситуация может побудить прервать лечение. Фиксация на фазе ядерного комплекса, и возникающее в результате взаимодействие с идентификацией имеют далеко идущие последствия. Например, это вызывает у человека предрасположенность справляться со своими потребностями и конфликтами посредством *отыгрывания*, а в случаях, когда этот путь закрыт, даже психосоматические заболевания (Лиментани, 1966). По словам Макдугалл (1978): «Потеря ... хорошо установившихся психических паттернов, таких, как организованные сексуальные перверсии или доминантные черты личности ... может также привести человека к психосоматическому приступу». Эти краткие ссылки на работы таких авторитетных деятелей, как Лиментани и Макдугалл используются, чтобы показать, насколько фундаментальной для здорового функционирования эго является необходимость в адекватной идентификации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье для меня не представилось возможным исследовать те многие смыслы и ответвления, содержащиеся в предложенных мной мнениях. Например, не было возможности обсудить то, какой свет они проливают на наше понимание истерической и нарциссической идентификации. Также не получилось поучаствовать и в столь интересном обсуждении совместимости подхода, изложенного мной совместно с мнением, что интернализация *отношений* является первичной (Пейдель, 1985), (Видлохер, 1985). Как показывает данный Конгресс, тема идентификации является открытой для широкого круга исследований и обсуждений, но я сосредоточился на элементах идентификации, доступных для нашего познания благодаря психоаналитическому исследованию перверсий. Я отметил, как ранние либидозные влечения, агрессия и полярные тревоги аннигиляции и оставленности (с последующей депрессией) взаимодействуют, образуя то, что я называю «ядерным комплексом». Если этот комплекс факторов служит препятствием к дальнейшему развитию, в результате образуется – помимо различных форм психопатологии, одной из которых являются перверсии – более или менее серьезное нарушение способности к идентификации. Внимание к этому нарушению (вторичной) идентификации побудило меня также обратить особое внимание и на раннее восприятие телесных ощущений и аффекты в отношениях мать-ребенок (первичная идентификация). Неудивительно, что форма психопатологии, в которой настолько широко используется тело, должна помочь нам оценить то, насколько ключевую роль такое первичное ощущение играет в превратностях идентификации.

РЕЗЮМЕ

Целью настоящей статьи является внесение вклада в прояснение различных значений концепции идентификации, а также различных процессов, участвующих в ее установлении, путем рассмотрения перверсий как нарушений интернализации. Различные формы интернализации рассматриваются как находящиеся вдоль континуума, одним из полюсов которого является идентификация, и включают инкорпорацию (части) репрезентации объекта. Показано, что перверт не способен осуществить процесс идентификации, поскольку фиксирован на ранней стадии развития, которую я называю «ядерным комплексом»: вместо идентификации он вынужден использовать «симуляцию», при которой субъект бессознательно симулирует объект или его части. Отмечено, что ключевую роль в этой динамике играет тело. Основным моментом данного исследования является то, как именно для достижения идентификации должны быть адекватно разрешены проблемы ядерного комплекса в ходе нормального развития.

REFERENCES

CHASSEGUET-SMIRGEL, J. 1978 Reflections on the connexions between perversion and sadism Int. J. Psychoanal. 59:27-35

- DEUTSCH, H. 1942 Some forms of emotional disturbance and their relationship to schizophrenia *Psychoanal. Q.* 11:301-321
- ETCHEGOYEN, R. H. 1985 Identification and its vicissitudes *Int. J. Psychoanal.* 66:3-18
- FREUD, S. 1900 The interpretation of dreams *S.E.* 4 & 5
 FREUD, S. 1905 Three essays on the theory of sexuality *S.E.* 7
 FREUD, S. 1926 Inhibitions, symptoms and anxiety *S.E.* 20
- GADDINI, E. 1969 On imitation *Int. J. Psychoanal.* 50:475-484
 GLASSER, M. 1977 Homosexuality in adolescence *Brit. J. Med. Psychol.* 50 217-225
 GLASSER, M. 1978 The role of the superego in exhibitionism *Int. J. Psychoanal.* 7:333-352
- GLASSER, M. 1979a Some aspects of the role of aggression in the perversions In *Sexual Deviation (Second Edition)*, ed. I. Rosen. Oxford: Oxford Univ. Press, pp. 278-305
 GLASSER, M. 1979b From the analysis of a transvestite *Int. J. Psychoanal.* 6:163-173
 GLASSER, M. 1985 'The weak spot' — some observations on male sexuality *Int. J. Psychoanal.* 66:405-414
 GREENACRE, P. 1958 The imposter *Psychoanal. Q.* 27:359-382
 GREENSON, R. R. 1968 Dis-identifying from mother *Int. J. Psychoanal.* 49:370-374
 KANZER, M. 1985 Identification and its vicissitudes *Int. J. Psychoanal.* 66:19-30
 KLEIN, M. 1955 On identification In *Writings of Melanie Klein 1946-1963* London: Hogarth Press, 1975 pp. 141-235
- LIMENTANI, A. 1966 A re-evaluation of acting out in relation to working through *Int. J. Psychoanal.* 47:274-282
- LIMENTANI, A. 1979 The significance of transsexualism in relation to some basic psychoanalytic concepts *Int. J. Psychoanal.* 6:139-153
- MAHLER, M. S. 1968 *On Human Symbiosis and the Vicissitudes of Individuation, Volume I.* New York: Int. Univ. Press.
 MCDUGALL, J. 1978 *Plea for a Measure of Abnormality* New York. Int. Univ. Press.
 MEISSNER, W. W. 1970 Notes on identification I. Origins in Freud *Psychoanal. Q.* 39:563-589
- MEISSNER, W. W. 1971 Notes on identification II. Clarification of related concepts *Psychoanal. Q.* 40:277- 302
 MEISSNER, W. W. 1972 Notes on identification III. The concept of identification *Psychoanal. Q.* 41:224-260 Copyright © 2017, Psychoanalytic Electronic Publishing. All Rights Reserved. This download is only for the personal use of PEPWEB GENERIC.
- PADEL, J. 1985 Ego in current thinking *Int. J. Psychoanal.* 12:273-283
 SANDLER, J. & ROSENBLATT, B. 1962 The concept of the representational world *Psychoanal. Study Child* 17:128-148 [→]
- SCHAFFER, R. 1968 *Aspects of Internalisation* New York: Int. Univ. Press.
 WIDLÖCHER, D. 1985 The wish for identification and structural effects in the work of Freud *Int. J. Psychoanal.* 66:31-46
 WINNICOTT, D. W. 1960 Ego distortion in terms of true and false self In *The Maturational Process and the Facilitating Environment* London: Hogarth Press, 1965 pp. 140-152 [→]
- WISDOM, J. O. 1961 A methodological approach to the problem of hysteria *Int. J. Psychoanal.* 42:224-237
 WISDOM, J. O. 1962 Comparison and development of the psycho-analytical theory of melancholia *Int. J. Psychoanal.* 43:113-132